

Григорий Бакланов принадлежит к тем писателям, кого представлять не нужно, — его действительно читают, его прозу знают и любят. Хорошо известны фильмы Бакланова-сценариста: «Пядь земли», «Был месяц май», «Салют, Мария!», пьесы Бакланова-драматурга: «Пристегните ремни...», «Навеки — девятнадцатилетние» и другие. Повернуть разговор так, чтобы Бакланов заговорил о себе, своем творчестве, своих литературных планах, практически невозможно. Зато истинное удовольствие разговаривать с ним обо всем остальном. Бакланов из тех, кто слушает и слышит собеседника и не обрушивается на него массу давно заготовленных на все случаи жизни историй.

творцов, а не роботов. Однако есть у нас старинная болезнь: первыми рапортовать об успехах, существующих, увы, только на бумаге. Должно измениться наше отношение к этому подобию литературы, которое не воспитывает, а развращает сознание. Чем такие книги отличаются от приписок, с которыми сейчас идет борьба в жизни? Да ничем. И об этом надо говорить со всей определенностью.

Мы привыкли утешать себя тем, что мы — самая читающая страна в мире. Но изучаем ли мы, что читают? Плохо изучаем. А читают нередко не самое лучшее, подделки под литературу иной раз пользуются большим спросом. Это читиво приви-

Сейчас вот, с большим опозданием, правда, хвалят фильмы Алексея Германа, буквально прорвавшиеся к зрителям сквозь всевозможные рогатки и препоны. Он снял всего три фильма, потратив годы на хождение по инстанциям. А сколько мог за это время сделать еще? Кто, когда считал эти потери, несозданное, нереализованное, несбывшееся? Какой огромный ущерб нанесен нашему искусству перестраховщиками!

«Да, ошибки возможны, — говорилось на съезде, — но важно сдвинуть дело с мертвой точки». Эти слова в полной мере можно отнести и к литературе, и к кинематографу. Сдвинуться с «мертвой точки» тут просто необходимо, иначе опять все

Григорий БАКЛАНОВ:

«МЕНЯ НЕ МОЖЕТ НЕ ВОЛНОВАТЬ...»

— Что, по-вашему, сейчас самое главное и важное?

— Круг важнейших проблем, которые поставил съезд партии, — разговор о чем-то другом сегодня, по-моему, просто неинтересен. Съезд прошел, но по-прежнему существует немалое количество людей, не заинтересованных ни в каких переменах, а страна находится в том состоянии, когда перемены кардинальные, революционные необходимы. Без этого мы никуда не продвинемся, все останется только на словах. Весьма многие довольны своим положением, чаще всего незаслуженным. Как раз они-то и будут изо всех сил сопротивляться всему новому.

Несомненно, огромные изменения произойдут в сельском хозяйстве: так называемый продналог, который сейчас вводится, на первых порах может и не дать немедленных результатов. Найдутся такие, кто захочет вернуть все на старые рельсы. Однако, я убежден, большинство на новое отзовется. До недавнего времени работа вручную на приусадебном участке нередко давала значительно лучшие результаты, чем механизированный труд на колхозных полях. Теперь же, когда колхоз сможет распоряжаться всей сверхплановой продукцией сам и сможет, например, давать колхозникам зерно, они будут этим зерном кормить скотину, птицу, а значит, везти мясо на рынок или сдавать в кооперацию. Ленинский план кооперации предусматривал вначале объединение не производства, а именно быта.

— Наверное, никогда еще вопросы хозяйствования, экономики не ставились так остро, не приобретали характер подлинно всенародного обсуждения; отношение к этим проблемам никогда не измерялось в категориях нравственных...

— Не совсем так. Подобные вопросы столь же широко ставились и обсуждались перед XX съездом партии — возьмите, скажем, очерки Овечкина «Районные будни», написанные в 1952 году. На призыв «работать по совести» комбайнер говорит секретарю райкома партии, что это ему невыгодно, ведь платят не за конечный результат, а за условный. «Что мне выгоднее — убирать хороший урожай или плохой? По оплате выгоднее плохой». Искерывающих ответов на подобные вопросы дано не было, поэтому они и возникли снова. Настало время их решать.

Возьмем роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»: какие мучения претерпевает ученый для того, чтобы бескорыстно вручить обществу свое изобретение. Все эти проблемы оказывались не только чисто нравственными — они неминуемо пересекались с проблемами экономическими. XX съезд очень многое изменил в сознании людей, в образе их мышления. Другое дело, что в экономике реальных сдвигов было, к сожалению, значительно меньше. Вопрос об экономическом подходе к жизни общества поставлен с такой силой и серьезностью впервые. Пройдет какой-то срок, и спросит — а что же сделано? В сельском хозяйстве «наболело» сильнее всего, поэтому там перестройка пойдет быстро. Не столь скоро, вероятно, в промышленности — в силу того, что перестройка там сложнее сама по себе.

Может ли этому помочь литература? Может и должна. Помочь словом правды. Правда более всего необходима для нравственного здоровья общества, правда воспитывает мужественных, честных людей,

важает циничное отношение к жизни, отбивает вкус к подлинной литературе.

Читателями не рождаются, вкус к литературе, понимание искусства надо прививать, воспитывать. Для серьезного чтения нужна серьезная подготовка.

А что происходит в школе? Часы на литературу все сокращаются и сокращаются — уже изучают не сами произведения, а отрывки из них. Причем сокращение происходит за счет XIX века — «золотого века» русской литературы. А ведь уроки литературы — не просто предмет образовательной программы. Это уроки духовного и гражданского созревания, при условии, что и сам учитель находится на должной высоте.

— А что читаете вы?

— Читаю, к сожалению, далеко не всегда то, что хочется и нужно для работы. Меня не забывают многие, многие пишущие люди. Иногда хочется сказать: «Поощадите! У меня впереди уже не десятилетия, а годы. Мне еще надо написать то, что я не успел». В одной из своих повестей я даже привел слова Сенеки о том, что в отличие от денег время берут не в долг, а навсегда, и даже знающий благодарность его вам не возвратит. Не услышали. А еще и писатели имеют обычай щедро дарить свои книги. Это приятно, но нельзя требовать, чтобы их немедленно прочли. А бывают просто анекдотические случаи. Одна писательница прислала свою книгу, но дарственная надпись на ней была прокурору такому-то. Я представил себе, как он раскроет книгу, надписанную мне... Через неделю примерно писательница позвонила: «Прочли?» — «Нет». Еще через неделю: «Прочли мою книгу?» И еще недели через две: «До сих пор не прочли? Тогда вышлите мне ее обратно». Я стараюсь не дарить своих книг, если у меня их не просят: а вдруг я обременю этим человека?

Вообще же, если говорить не о той литературе, которая нужна для работы, я не столько читаю беллетристику, сколько перечитываю. И убеждаюсь, как современная русская классика, как глубоко умели видеть и проводить великие наши писатели. Потому-то книги их живы и злободневны и сегодня.

— Что бы вы выделили из произведений литературы, театральных постановок, фильмов последнего времени?

— В литературе, несомненно, «Пожар» Валентина Распутина, вещь сильная и страстная.

В театре — спектакль «Говори...», поставленный Валерием Фокиным в театре им. Ермоловой по «Районным будням» Валентина Овечкина. Звучит это остро и современно еще и потому, что методы хозяйствования в деревне изменились, к сожалению, мало.

С кинематографом, по-моему, в отличие от театра, дело обстоит хуже, положение там явно неблагоприятное.

Был период, когда на киностудии «Мосфильм» возникли объединения, в том числе и «Творческое объединение писателей и киноработников», созданное в 1961 году, в котором я участвовал. Там был поставлен ряд интересных фильмов. Творческие объединения в то время могли сами заключать договор, запускать фильм в производство. Затем постепенно право на самостоятельное решение урезалось, зато увеличивалось количество контролирующих, проверяющих и присматривающих лиц, которые сами не пахнут и пахоть не умеют, но других учат.

талантливое будет как бы случайно проскочившим на экраны по чьему-то недосмотру. Таланты нужно ценить и доверять им, они — народное достояние. Поэтому руководить искусством должны люди, способные его понимать, а не те, кто лишь подсчитывает количество теневых и светлых сторон.

Конечно, все это проблемы не новые, они возникали и раньше. Позвольте, я вам прочту одно место из «Скучной истории» Чехова: «Богатые люди всегда около себя имеют приживал, науки и искусства — тоже. Кажется, нет на свете такого искусства или науки, которые были бы свободны от присутствия «инородных тел». «Скучная история» написана давно, а вот «инородных тел» в нашем искусстве и литературе до сих пор предостаточно. Надо все-таки их поголовье как-то регулировать и по возможности сокращать.

— Григорий Яковлевич, что, помимо литературы, вас как писателя особенно волнует, какие события, проблемы?

— Почему как писателя? Как каждого нормального человека меня интересует, волнует очень многое — да все, что происходит в нашей жизни, особенно сейчас. Ну, например, на Московской писательской конференции я говорил о том, что исторический центр России, столица, не имеет права терять свой уникальный облик. Когда дети вырастают среди неповторимого, они несут это неповторимое и в себе, отличаясь от тех, кто воспитывался среди серых стандартных домов, построенных по типовым проектам. «Усредняющая» окружающая среда порождает усредненное мышление.

Районы Москвы соединяются проспектами, но никак не архитектурной идеей.

Поучительный парадокс состоит в том, что «пятиэтажки» не оказались дешевыми — город растянулся, а подземные коммуникации очень дороги. Эти дома, которые теперь будут сносить, отражают еще и уровень нашей тогдашней мудрости. А архитектура, оказывается, существует не только талантом архитектора, но и уровнем заказчика — смелому заказчику нужно ставить памятник. Бездарный многоэтажный дом, в котором живу я, построен вроде бы надолго. Водопровод в нем встроены в стены, при этом трубы должны быть из нержавеющей стали. Но поставлены — из дешевого ржавеющего металла. Лет через двадцать кирпичные стены нужно разбивать и менять трубы.

В нашей стране земля не покупается и не продается, и возникает иллюзия, что она ничего не стоит. «Волевым» решением строят на пахотных землях. Что это такое, как не расхищение национального достояния! Ежегодно терется два миллиона гектаров полей. Это — примеры внеэкономического решения хозяйственных задач. Знаете английскую поговорку: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи»? И наша Москва не настолько богата, чтобы в ней строили плохо. Мы как бы заново учимся считать — сколько реально все стоит и чьи это деньги.

— Григорий Яковлевич, а нет ли вопроса, на который вам, может быть, хотелось ответить, хотя он и не задан?

— О чем не спросили, о том я в книгах напишу.

Беседу вел
В. БУЯКОВ.